

УДК 342.5(045)

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК СУБЪЕКТЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2018 Ю.П. Злобин

Оренбургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 26.08.2018

В статье на основе количественных показателей проведен анализ личностных и профессиональных качеств генерал-губернаторского корпуса Российской империи по целому ряду позиций. Установлена однотипность кадровой политики российских императоров в отношении этой группы высших региональных администраторов, которая привела к ее сословной замкнутости и корпоративности. *Ключевые слова:* Российская империя, XIX - начало XX века, региональное военное управление, генерал-губернаторы.

В отечественной исторической науке сложились определенные стереотипы в отношении личностных и профессиональных возможностей генерал-губернаторов Российской империи периода XIX - начала XX века в решении стоявших перед ними задач. Подходя избирательно к этому вопросу, дореволюционные и советские исследователи оставляли без внимания ряд объективных показателей, характеризовавших в целом генерал-губернаторский корпус, а упор делали на отдельных представителях этого управленческого звена, показывая их не с самой лучшей стороны. Основным источником информации при этом служили субъективные впечатления и оценки, изложенные в воспоминаниях и мемуарах современников событий, а вовсе не количественные показатели¹.

Между тем обширный комплекс неопубликованных архивных источников, представленный служебными формулярами должностных лиц, оказавшихся волею монархов на посту генерал-губернатора (наместника, главноуправляющего, главнокомандующего), позволяет внести существенные коррективы в эти представления. Конкретные данные, содержащиеся в них, были дополнены автором сведениями из биографической, справочной и исследовательской литературы. Обработка и анализ указанной информации позволили избежать ряда стереотипов, сложившихся в отечественной историографии в отношении генерал-губернаторов как некомпетентных и в целом невежественных руководителей². Результаты анализа заметно отличаются от данных, полученных современными исследователями этого вопроса³.

При всех субъективных издержках (фаворитизм, покровительство и т.п.) кадровая политика российских императоров в период XIX - начала XX века отличалась определенной преемственностью. *Злобин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории. E-mail: slobin.yurii@mail.ru*

ностью и последовательностью. Монархическая власть в вопросах управления «проблемными» с ее точки зрения территориями полагалась на профессиональные возможности представителей дворянского сословия и в первую очередь его аристократической части. Из 203 генерал-губернаторов дворянская аристократия была представлена 88 великими князьями, светлейшими князьями, князьями, герцогами, графами, баронами и маркизами. Они составляли 43,3% от всего генерал-губернаторского корпуса и, как правило, руководили наиболее крупными по числу населения административными образованиями. При этом 9 генерал-губернаторов: Ф.Ф. Берг, А.А. Закревский, И. Зайончек, В.В. Левашов, М.Н. Муравьев-Виленский, Н.Н. Муравьев-Амурский, Н.Н. Муравьев-Карский, В.А. Перовский, А.П. Торماسов – дополнили ряды дворян-аристократов в период пребывания на этой должности, что являлось признанием их заслуг и знаком особой монаршей милости⁴.

Выяснение национальной принадлежности генерал-губернаторов, которое прежде не проводилось исследователями, показало весьма любопытную картину. Для этой группы должностных лиц было характерно численное доминирование представителей титульной нации. Русские составляли 53,7% от ее общей численности. Однако состав региональных руководителей империи был в целом полиэтничным. Он включал представителей 19 национальностей: 109 русских, 33 немца, 14 поляков, 9 украинцев, 7 татар, 6 французов, 5 грузин, 5 сербов, по 2 голландца, итальянца, финна, шведа и шотландца, по 1 австрийцу, англичанину, армянину, белорусу, калмыку, турку. Заметным национальным многообразием отличались генерал-губернаторы, назначенные Александром I и Николаем II (13 и 10 национальностей соответственно). В первом случае это было связано с активным привлечением на военную службу дворян-ино-

странцев в конце XVIII - начале XIX века, когда русская армия несла значительные потери в офицерском составе в результате многочисленных войн. Во втором случае имело место более широкое представительство обрусевших потомков иностранных дворян и привлечение на военную службу выходцев из разных этнических групп империи: прибалтийских немцев, украинцев, поляков, финнов. Более компактными в национальном отношении были группы генерал-губернаторов, получившие назначение на эту должность при Николае I, Александре II, Александре III (5-8 национальностей). В годы правления этих императоров русские численно доминировали над представителями других народов и составляли от 57,5% до 61,5% от общего числа лиц, ставших генерал-губернаторами⁵.

Генерал-губернаторский корпус империи объединил в своих рядах наиболее образованную часть российского дворянства. Образовательный уровень этой группы администраторов был достаточно высок. Военные академии закончили 37 генерал-губернаторов, высшее гражданское образование (главным образом университетское) имели 29 чел., среднее военное – 72 чел., среднее гражданское – 16 чел., начальное или домашнее образование получили 38 чел. В служебных формулярах 11 из них сведения об образовании отсутствовали. В итоге систематическое (среднее и высшее) образование получили 154 из 203 чел., или 76% от их общего числа. Обращает на себя внимание довольно значительное число генерал-губернаторов, имевших начальное или домашнее образование и занявших этот пост в периоды царствования Александра I (38,5%) и Николая I (35,9%). Причиной служил хронический недостаток учебных заведений в России во второй половине XVIII - начале XIX века, которые могли предоставить систематическое образование. Это обстоятельство побуждало родителей юных дворян отправлять своих отпрысков на учебу за границу либо полагаться на услуги домашних учителей⁶.

Важной составляющей облика региональных администраторов империи был возраст, в котором они приступали к исполнению обязанностей генерал-губернатора. Возрастной диапазон, в котором избранники монархов вступали в эту должность, был весьма значительным. Он находился в пределах от 25 до 70 лет включительно. Небольшую группу из 14 самых молодых генерал-губернаторов возглавили члены императорской фамилии и их родственники (великие князья Константин Николаевич, Михаил Николаевич, Сергей Александрович Романовы, герцог Г.П. Голштейн-Ольденбургский и др.). В наиболее работоспособном для администратора возрасте от

41 года до 60 лет находилось большинство генерал-губернаторов: 142 чел. из 203, или 70,1%. В достаточно пожилом возрасте от 61 до 70 лет вступили в эту должность 47 чел., или 23,2 %. Лишь отдельные представители этой последней группы доказали, что почтенный возраст не является помехой для успешной деятельности, что его можно компенсировать многолетним опытом. Граф, а затем светлейший князь М.С. Воронцов после 20 лет пребывания на посту новороссийского и бессарабского генерал-губернатора был назначен Николаем I наместником Кавказа с сохранением прежней должности. Получив в 62 года управление громадным краем, занимавшим южную часть Европейской России, он, несмотря на затянувшуюся Кавказскую войну, сумел осуществить в наместничестве за 10 лет обширные мероприятия, способствовавшие развитию просвещения, земледелия, промышленности, торговли и судоходства. Его родственник и наследник граф И.И. Воронцов-Дашков, имевший 16-летний опыт управления Министерством императорского двора и уделов, был назначен Николаем II в возрасте 68 лет также наместником Кавказа. Назначение состоялось в 1905 году в разгар революционных событий в России и в наместничестве. И.И. Воронцов-Дашков блестяще справился с возложенными на него обязанностями. За 9,5 лет пребывания на посту наместника и главнокомандующего войсками Кавказского военного округа он провел ряд реформ, снизивших социальную напряженность в регионе, обеспечил развитие промышленности и торговли, развернул широкое железнодорожное строительство. Накануне Первой мировой войны наместник подготовил к ней надлежащим образом всю инфраструктуру Кавказского военного округа. Трезво оценивая свои возможности как военачальника, И.И. Воронцов-Дашков доверил руководство боевыми действиями начальнику штаба Кавказской армии молодому и инициативному генералу Н.Н. Юденичу. В результате Кавказский фронт оказался единственным фронтом, где русские войска не знали поражений, а имели одни победы. И.И. Воронцов-Дашков был уволен с постов наместника и главнокомандующего войсками Кавказского фронта после собственных просьб в 78-летнем возрасте⁸.

В то же время обращает на себя внимание процесс медленного, но неуклонного старения генерал-губернаторского корпуса. Самыми молодыми были его представители, получившие назначение в царствование Александра I. Из 52 генерал-губернаторов, назначенных этим императором, 28 чел. (или 53,8%) находились в момент вступления в должность в возрасте до 51 года. Многочисленные во-

йны, которые вела Россия в первой четверти XIX века, во многом способствовали быстрому продвижению отличившихся офицеров в ряды генералитета, а затем и в генерал-губернаторы. В царствование Николая I этот показатель составил уже 43,6%, при Александре II он несколько вырос до 45%. Однако военной реформой 60-70 годов XIX века в российской армии был закреплен цензовый порядок получения офицерами очередного чина. Он требовал прослужить в каждом чине определенное количество лет и только после этого претендовать на следующий по «Табели о рангах» чин. В результате служебный путь от обер-офицера до генерала (или адмирала) стал занимать в среднем 35-40 лет. По этой причине к началу XX века наблюдалось заметное старение как российского генералитета, так и той его части, которая служила генерал-губернаторами. Если в царствование Александра III генерал-губернаторы старше 60 лет составили 17,6% от общего числа назначенных, то в годы правления Николая II – уже 36,4% при полном отсутствии в их рядах лиц моложе 41 года⁹.

При назначении генерал-губернатором одним из необходимых факторов, который учитывался монархами, была компетентность конкретного лица в управленческой деятельности, его способность быстро ориентироваться в решении административных вопросов разного порядка и уровня, личная активность и мобильность в разрешении возникавших проблем. Эта сторона профессионального облика региональных руководителей также отражена в служебных формулярах генерал-губернаторов. До назначения на должность такой опыт приобрели 110 чел. из 203 (или 54,2%), в том числе в качестве министров – 8 чел, руководителей отдельных ведомств и департаментов министерств – 13 чел., глав наместничеств, генерал-губернаторств и временных генерал-губернаторств – 16 чел., губерниями управляли – 46 чел., областями – 20 чел., округом – 1 чел., городом – 6 чел. Генерал-губернаторы, имевшие опыт административного управления, в количественном отношении доминировали в царствование Александра I (55,8%), Александра II (57,5%), Николая II (56,4%). Однако они уступали по численности генерал-губернаторам, не имевшим такого опыта и получившим назначение на эту должность при Николае I (48,7%) и Александре III (47,1%), когда Российская империя находилась в относительно стабильном внутреннем и международном положении. В целом с точки зрения опыта управленческой деятельности к решению поставленных монархами задач большинство генерал-губернаторов были подготовлены в достаточной мере¹⁰.

Обратимся к анализу такого фактора, как продолжительность службы генерал-губернато-

ров с момента назначения на эту должность и до освобождения от нее. Условно разделив весь генерал-губернаторский корпус на две группы с длительностью пребывания в должности до 5 лет в одной группе, 5 и более лет в другой, можно обнаружить следующую любопытную тенденцию. Свыше половины генерал-губернаторов, получивших эту должность при Александре I, Николае I, Александре II и Александре III, пробыли в ней 5 и более лет: 52%, 66,7%, 52,5% и 76,5% соответственно. Тенденция сокращения срока службы в генерал-губернаторской должности стала доминирующей в царствование Николая II. Из 55 назначенных этим императором лиц 31 чел., или 61,9%, имели срок пребывания в ней до 3-х лет, а со сроком службы свыше 10 лет не было ни одного генерал-губернатора. Эта тенденция была связана с общим старением генералитета российской армии и вымыванием из рядов генерал-губернаторов дворянской аристократии, считавшей совмещение в одном лице обязанностей гражданского и военного руководителя чрезмерно трудоемким¹¹.

Существенным фактором, определившим не только профессиональный облик, но также место и роль генерал-губернаторов в системе управления империей, была их дальнейшая карьера (или судьба) после освобождения от должности. С другой стороны, этот фактор одновременно и определенным образом иллюстрирует достаточно важную и любопытную сторону кадровой политики российских монархов. Из 203 генерал-губернаторов 13 чел. стали министрами и руководителями отдельных ведомств, приравненных министерствам, 62 чел. получили назначение в Государственный совет, членами Военного совета стали 16 чел., сенаторами – 10 чел., руководителями общеимперских карательных структур – 4 чел., были возвращены на военную службу – 24 чел. Таким образом, дальнейшая служебная карьера 129 генерал-губернаторов (или 61,7%) продолжалась вполне успешно. Полученный ими опыт управления крупными административными образованиями был использован в высшем эшелоне управленческой вертикали власти¹².

Жизнь 32 генерал-губернаторов оборвалась во время пребывания в этой должности. Из них 28 чел. умерли вследствие преклонного возраста, болезней, последствий от ранений и контузий, полученных ранее во время участия в войнах¹³. Еще 4 генерал-губернатора (П.Д. Цицианов, М.А. Милорадович, А.И. Гагарин, Н.И. Бобриков) были убиты на своем посту в разные временные периоды¹⁴.

Таким образом, генерал-губернаторский корпус России в сословном отношении был достаточно однородным и являлся крайне узкой социо-профессиональной группой. Для него была характерна замкнутость и корпоративность. По-

лиэтничный состав российского дворянства обеспечил участие в системе военно-административного управления империей представителей 19 национальностей. Но лидирующие позиции при этом постоянно оставались за русскими (от 48% при Александре I до 61,5% при Николае I, а затем 49% при Николае II). Разносторонняя и разноплановая военно-административная деятельность требовала особой профессиональной грамотности и компетентности. Ей соответствовали с точки зрения образованности 76%, наличия административного опыта – 54,2% региональных руководителей. Верховная власть достаточно бережно относилась к этой группе высших местных администраторов, используя накопленный ими опыт и в дальнейшем. Так 61,7% от общего числа генерал-губернаторов стали министрами, руководителями отдельных ведомств, членами Государственного совета, сенаторами, крупными военачальниками. Однако процесс старения генерал-губернаторского корпуса, наметившийся в последней четверти XIX столетия и активно проходивший в начале XX века, привел к частой сменяемости лиц на постах региональных руководителей. Вымывание из его рядов дворянской аристократии, проходившее в этот период, лишало монархическую власть ее привычной и наиболее надежной опоры. Таким образом, в период кризиса монархической государственности, который пришелся на начало XX столетия, Российская империя имела весьма постаревший генерал-губернаторский корпус, характерной особенностью которого была частая смена должностных лиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, сост. в дек. 1903 г.) / Вступ. ст., примеч. А.С. Сенина. М.: Изд-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2002; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х - начала 90-х гг.). М., 1970; *Он же.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978; *Имперский строй России в региональном измерении (XIX - начало XX века): сборник научных статей.* М., 1997; *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1995; *Он же.* Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX - начала XX веков: монография / Отв. ред. д-р ист. наук А.П. Толочко. Омск: Омский ун-т, 1997; *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX - начало XX в.). М.: Индрик, 1999.

² Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации... С.108-109, 167, 146-148; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С.120-121, 144-149, 190-192 и др.

³ *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII - начало XX в.). М.: Про-

метей, 2001; *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.48. Оп.1. Д.28. Л.23-24; Ф.102. Оп.260. Д.112. Л.34; Д.113. Л.6; Ф.499. Оп.1. Д.2. Л.51-67; Ф.547. Оп.1. Д.1. Л.1-111; Д.7. Л.1-22; Ф.649. Оп.1. Д.1. Л.1-20; Ф.722. Оп.1. Д.3. Л.1-34; Ф.728. Оп.1, т.1. Д.606-а. Л.2-35; Ф.973. Оп.1. Д.13. Л.1-12; Ф.1099. Оп.1. Д.619. Л.2-190б; Государственный исторический музей (далее – ГИМ). Ф.129. Оп.1. Д.42. Л.2-17; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.1265. Оп.4. Д.6. Л.2-14; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.1. Оп.1. Д.46067. Л.110-111; Оп.1, т.21. Д.46067. Л.88-89; Оп.1, т.30. Д.56789. Л.1-18; Оп.1., т.43. Д.75637. Л.82-91; Оп.44. Д.38. Л.9-22; Ф.29. Оп.3. Д.308. Л.55-170; Ф.35. Оп.2. Д.1529. Л.915-948; Ф.395. Оп.4. Д.805. Л.2-33; Оп.31. Д.690. Л.9-22; Оп.33, 1842 г., Д.907. Л.1-28; Оп.36, 1845 г., Д.693. Л.18-24; Оп.40, отделение 1, Д.440. Л.1-51; Оп.56, 1864 г., Д.656. Л.1-3; Оп.171, отделение 3, Д.548. Л.1-21; Оп.284. Д.57. Л.1-11; Ф.400. Оп.9. Д.3262. Л.23-30; Д.7113. Л.4-12; Д.22449. Л.18-19; Оп.10, 1905 г., Д.525. Л.7-10; Оп.10. Д.1088. Л.190б; Оп.12. Д.12831. Л.2-5; Д.19469. Л.18-24; Д.23442. Л.106-126; Оп.17. Д.4403. Л.1-9; Д.8734. Л.56-57; Оп.150. Д.7, часть 1, Л.193-203; Ф.401. Оп.1. Д.2892. Л.75-760б; Ф.409. Оп.1. Д.13304/2. Л.13-19; Д.143603. Л.3-10; Оп.2. Д.34635. Л.140-145; Ф.489. Оп.1. Д.716. Л.1-35; Д.7048. Л.250-251; Д.7058, часть 1, Л.504-505; Д.7060. Л.3-129; Д.7062. Л. 51-750; Д.7073. Л.165-172; Д.7074, часть 3, Л.157-572; Д.7075. Л.559-570; Д.7073. Л.458-511; Д.7074, часть 3, Л.631-639; Оп.19. Д.7065. Л.179-182; Д.7074, часть 3, Л.631-639; Д.7097. Л.530-540; Д.7099. Л.128-161; Д.7103. Л.542-565; Д.7106. Л.557-861; Д.7107. Л.157-164; Д.7113. Л.4-12; Д.7292. Л.115-116; Д.7302. Л. 178-1083; Д.7316. Л.796-800; Д.7450. Л.22-29; Ф.725. Оп.56. Д.5491. Л.1-23; Ф.802. Оп.11. Д.29. Л.150-211; Д.157. Л.157-105; Ф.970. Оп.1. Д.317. Л.53-78; Оп.3. Д.2207. Л.210-228; Д.2212. Л.1-97; Д.2215. Л.104-132; Д.2217. Л.1-42; Д.2218. Л.1-5; Д.2219. Л.20-42; Д.2221. Л.63-68; Д.2228. Л.199-280; Д.2231. Л.157-164; Д.2240. Л.1-119; Д.2241. Л.14-60; Д.2243. Л.1-104; Д.2246. Л.1-15; Д.2247. Л.33-59; Д.2250. Л.10-18; Д.2251. Л.97-136; Д.2258. Л.1-8; Д.2267. Л.64-201; Д.2269. Л.9-227; Ф.1338. Оп.1. Д.1505. Л.1-23; Ф.2005. Оп.1. Д.14. Л.22-23; Ф.3545. Оп.4. Д.3182. Л.2-7; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.1162. Оп.6. Д.9. Л.23-24; Д.34. Л.1-6; Д.38. Л.1-9; Д.40. Л.1-23; Д.554. Л.2-26; Ф.1286. Оп.1. Д.185. Л.1-4; Ф.1343. Оп.16. Д.2130. Л.14-26; Ф.1349. Оп.3. Д.1450. Л.1-11; Д.2286. Л.16-65; Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф.36. Оп.1. Д.19. Л.3-4; Центральный государственный исторический архив Москвы (далее – ЦГИАМ). Ф.16. Оп.22. Д.15. Л.4-5; Д.322. Л.1-4; Оп.201. Д.5. Л.31-310б; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. СПб., 2001. Приложения. С.288-442; *Балязин В.Н.* Императорские наместники первопрестольной. М.: Тверская-13, 2000. С.218-486; *Власть в Сибири: XVI - начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. М.О. Акиншин, А.В. Ремнев.* Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С.581-618; *Захарова О.Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С.

Воронцов: Рыцарь Российской империи. М.: ЗАО Центрполиграф, 2001. С.19-369; *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С.23-166; *Кораблев Н.А., Мошина Т.А.* Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Биографический справочник. Петрозаводск: «Паритет», 2006. С.18-24; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений: 1802-1917. Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С.46-633.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ *Лебедев П.С.* Князь Павел Дмитриевич Цицианов // Русская старина, 1890. Т.66. №4. С.147-148; *Длуголенский Я.Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга: 1703-1917. СПб., 2001. С.107-108; *Русский биографический словарь.* Т.: Гааг - Гербель. М.: Аспект-Пресс, 1991. С.55-56; *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии: 1898-1904 гг. / Перевод Геннадия Муравина. СПб.: Европейский дом, 1997. С.239-243.

GENERALS-GOVERNORS IN THE RUSSIAN EMPIRE AS SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE ACTIVITIES IN THE XIX - THE EARLY XX CENTURY

© 2018 Ju.P. Zlobin

Orenburg State University

The article contains the analysis of personal and professional characteristics of the generals-governors in Russian Empire on the basis of quantity indicators. The author managed to prove the uniformity of the personnel policy of the Russian emperors which concerned this group of the highest regional officials; he points that such a policy has led to their estate isolation and corporativism.

Keywords: Russian empire, XIX - the beginning of XX century, regional military management, generals-governors.